

И попирая ^{культура. - 1999 - 18-24 марта - с. 10.} царственной пятою

Железная леди румынского вокала снова в Москве

Без контекста не обойтись, а он таков: гастрольные маршруты заморских звезд во цвете сил через Москву не пролегают. Утолять вокальный голод аборигенов едут разве что знаменитости на закате карьеры, которые всем хороши, кроме одного: оценивать в их выступлениях приходится не столько искусство бельканто, сколько искусство певческого долголетия. Из того ли ряда, из другого ли едущая к нам румынка Марианна Николеско — предсказать труда не составляло. По той простой причине, что мы знакомы.

Первый раз она приезжала в Москву в ноябре 1996-го — по приглашению плетневского оркестра, с дирижером, которого выбрала сама (это был Эрик Халл), и с программой редко звучащих у нас арий Глюка, Моцарта, Бетховена, Спонтини, Россини, Беллини. Ее приняли на ура... хотя кого у нас теперь принимают иначе? Но тут основания были. Первое: супер-аппетитная программа. Второе: непривычный — сталь, агрессия, аффект — вокал. Третье: впечатляющая судьба. Молоденькую скрипачку в начале 70-х отправляют учиться в римскую академию "Санта-Чечилия", где из ее "вроде бы меццо" делают блестящее сопрано, далее — невозвращение в Румынию, ангажементы в лучших и прочих театрах мира, дом в Нью-Йорке, первая встреча с соотечественниками спустя 20 лет и превращение из персоны нон грата в национальную героиню, пекущуюся о детских домах и юных талантах, организующую первый в стране конкурс вокалистов, создающую фонд, из средств которого сегодня уже отреставрирован старейший концертный зал Бухареста Атенеум, et cetera... Были ли минусы в том ворохе плю-

Фото ИТАР — ТАСС

сов? Сколько угодно! Но тогда еще можно было говорить об искусстве бельканто от Николеско. Теперь певица, находящаяся в той поре, когда каждый год работает не на, а против нее, презентовала совершенный учебник по искусству вокального долгожительства.

Стерты середина и низы — гласил один его параграф, — металлизируй их напряжением горла. По сей день красивы и полновесны верхи, особенно на форте, — выбор вещей, где форте и верхов изобилие (это уже из другого раздела). Трудно справиться с регистровой пестротой — постарайся выдать их за игру динамических оттенков. Стало невозможно скрыть свой адский труд — преврати и это в шоу (заставляет же трепетать свидетелей восходящий на кающуюнибудь Джомолунгму альпинист, способен же доставить эстетическое удовольствие работающий кузнец!).

Но все то, что в вербальном изложении звучит, должно быть, жестко по отношению к певице, на деле, в концертном зале (а именно — в БЗК), было увязано ею в блестящую

тящую игру с умно просчитанными эффектами. Простейший из них — яркие шарфы на черном платье. И хочешь оторваться, да не можешь. Или хочешь растерзать ее за то, что дурачит всех, подменяя одно искусство другим, а она на другую чашу весов — свою неимоверную самоотдачу, могучую энергию и суперличное, порой до анархии, прочтение каждой вещи. Тут и склонись голову, констатируя: мало кто может быть так возбуждающе интересен (у нас с ней в этом схож разве что Дмитрий Степанович). Она и программу, в которой против правил раскрасила все — и раритеты Гайдна, Моцарта, и шлягеры Верди, Леонкавалло, Пуччини, Бойто — в один веристского толка стилистический цвет, предъявила как свой козырь. Вкупе с той рафинированной, что прозвучала в Москве два года назад, эта не столь рафинированная рисовала портрет певицы неограниченных возможностей. Когда-то так, по всему, и было...

И о гармонии. Она в концерте находилась, но — только в оркестре (скажу, что это был Российский национальный, и жгучая надобность в аргументах отпадет). На сей раз им управлял итальянец Марко Бальдери, который, кажется, был совершенно счастлив оттого, что наконец единение с русским оркестром состоялось (помнится, федосеевцы на "итальянском" концерте, посвященном 400-летию оперы, ему так и не дали). И пусть порой казалось: не он вел оркестр, а самодостаточная, вышколенная, хорошо знающая себе цену стоголовая "персона" вела дирижера к гармоническим вершинам. Увидеть твердь в штормящем море — уже удача.

Лариса ДОЛГАЧЕВА